

УДК 316.774
DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.5
EDN: RURRTY

Научная статья

ТЕОРИЯ КОНФЛИКТА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ДИНАМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР МЕДИАКОММУНИКАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Николаевич Чумиков

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,

chumikov@pr-club.com,

ORCID 0000-0002-7208-9783

Для цитирования: Чумиков А. Н. Теория конфликта в социально-политической сфере: ретроспективная динамика и современный вектор медиакоммуникационного воздействия // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 95–116. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.5. EDN RURRTY.

Аннотация. Попытки осмысления сущности и генезиса конфликта в человеческом обществе прослеживаются уже у мыслителей древности и продолжаются на протяжении многих столетий. Исследователи всех времён так или иначе занимались поисками политического устройства, предполагающего гармоничное регулирование конфликтов между людьми, переход в состояние без «антагонистических» противоречий и даже постепенное отмирание государства как такового. Во второй половине XX века возникла научная школа, признающая, что конфликт – постоянно присутствующий и важнейший тип коммуникации в обществе; в его основе лежат столкновения ценностей, потребностей и интересов с ведущей ролью объективных социально-экономических обстоятельств. В поиске причин социально-политического конфликта, их иерархии, методов регулирования всё большую значимость приобретали факторы, связанные с развитием информационного общества и его медийными компонентами, формирующими виртуальные представления граждан о происходящем и их последующие поведенческие реакции. Именно данные процессы находятся в фокусе авторского исследования. Приводятся сущностные характеристики медиапространства XX–XXI вв. и роль медиаресурсов в разрешении (предотвращении, разжигании, нейтрализации) конфликтов. Субъективное влияние медиа сопоставляется с объективными условиями развития политических процессов. В статье выдвигается и подтверждается гипотеза о том, что если ранее информационные факторы, включая медийные слагаемые, воспринимались учёными как важные причины и инструменты регулирования социально-политического конфликта, то применительно к XXI веку следует говорить об их доминировании. В ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объёмов информации «объективная» реальность заменяется бесконечным рядом смысловых интерпретаций,

© Чумиков А. Н., 2025

определяющих мысли и поведение граждан. В этих условиях глобальной стратегией в конфликте становится понятие «управление коммуникациями», а в рамках политики государства – обеспечение преобладающего объёма информационного воздействия и синхронизация посланий с единым смыслом в традиционных и новых медиа. Доказывается сходность моделей медиаполитического управления в конфликте власти и оппозиции на различных этапах исторического развития. Констатируется, что «цветные революции», военные столкновения, активизация глобального противоборства на мировой арене продемонстрировали дальнейшее усиление роли информационного фактора в социально-политических отношениях и мотивировали жёсткое регулирование медиакоммуникаций правительствами многих стран. Стремление государств к монополизации медиавлияния с противодействием распространению неактуальных ценностей и политических образов стало мировым трендом.

Ключевые слова: конфликт, социально-политический конфликт, конфликтология, регулирование конфликта, государство, оппозиция, информационный фактор, медиакоммуникации, медиавоздействие, управление коммуникациями

Введение. Конфликтология и политический конфликт в мировой научной мысли

Не вызывает сомнений, что конфликт как действие существует ровно столько времени, сколько живёт само человечество. Отсюда попытки его теоретического обоснования восходят к мыслителям древности (Конфуций, Гераклит, Платон, Аристотель); продолжают в трудах учёных Нового времени (Э. Роттердамский, Ф. Бэкон, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит), где в отдельную группу иногда выделяют «социалистов-утопистов» (Т. Мор, Т. Кампанелла, Г. Бабёф, К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн) и, в XIX–начале XX вв., работах исследователей немарксистского направления (Т. Мальтус, Г. Спенсер, Л. Гумпилович, М. Вебер). Во второй половине XIX в. и первых десятилетиях XX в. развивается марксистско-ленинская школа (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин), далее воплотившаяся в советскую теорию «антагонистических» и «неантагонистических» противоречий, доминирующую в пространстве социалистических стран и популярную на мировом уровне вплоть до 90–х гг. двадцатого столетия.

Поскольку вклад каждого из перечисленных авторов в теорию конфликта тщательно изучен, остановимся лишь на отдельных тезисах их трудов, имеющих отношение к теме нашей статьи, то есть к социально-политическому конфликту. Очевидно, что все названные исследователи так или иначе занимались поисками лучшего общественного устройства, предполагающего в долгосрочной перспективе обязательное существование государства как регулятора жизни граждан, включая её конфликтную составляющую. При этом в качестве главных причин глобальных внутри- и межгосударственных конфликтов всегда выделялись такие дилеммы, как объективные и субъективные, экономические и политические условия, а также их производные в виде материальных (реальных) и духовных (виртуальных) факторов.

Так, анализируя источники острых политических конфликтов с возможностью перерастания в государственные перевороты, Аристотель указывал на неравенство людей в обладании имуществом и получении почестей, то есть на несовершенство экономических отношений. Их устранение философ видел в нейтрализации «неправильных» форм государственного правления (тирания, олигархия, демократия), стремлении к «правильным» (монархия, аристократия, полиция) и поиску «золотой середины». В качестве значимого субъективного фактора конфликтов Аристотель отмечал *демагогию* – набор ораторских приёмов, способных убедить целевые аудитории, но основанных на ложных суждениях [1].

Ф. Бэкон решающую роль в социально-политических конфликтах отводил материальным причинам, выделяя среди них бедственное экономическое положение народа. В то же время и он указывал на субъективные основы конфликтных противостояний в виде «острых и колких слов в устах государя», «зависти в общественной жизни», «пасквилей и крамольных речей», «ложных слухов», когда они «охотно подхватываются» [2]. Безусловное преимущество экономическим причинам конфликта отдавал А. Смит, полагая, что с их устранением причины серьёзных конфликтов исчезнут [3]. Ж.-Ж. Руссо, напротив, рассчитывал на «общественный договор», с заключением которого люди обретут якобы существовавшую ранее, но утраченную впоследствии гармонию общественных отношений, «вечный мир» и единство [4].

Конфликтологическая теория К. Маркса – Ф. Энгельса практически целиком построена на анализе объективных экономических условий государства, связанных с его политическим устройством – «социалистическим» («коммунистическим») или «капиталистическим». Известно, что К. Маркс и его последователи полагали, что именно в капиталистическом обществе происходят наиболее опасные конфликты, так как антагонистические противоречия вызывают классовую борьбу между «трудом и капиталом», владельцами предприятий и работниками, имущими и неимущими категориями граждан. Утверждалось, что капитализм порождает и непримиримую межгосударственную конкуренцию, включая войны за передел мирового рынка.

В. Ленин в работе «Государство и революция» ссылается на фундаментальный труд Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и заявляет, что государство в принципе есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, где они объективно не могут быть примирены. «Государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание “порядка”, который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» [5, с. 7]. Однако государство, по К. Марксу, существует не извечно, оно неизбежно исчезнет с исчезновением классов и заменится «обществом, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей» [6, с. 173].

В. Ленин понимал, что процесс «отмирания» будет длительным и невозможен без «политического переходного периода». «Государством этого периода

может быть лишь революционная диктатура пролетариата» [5, с. 86–87]. И вот в этом-то государстве острый конфликт неизбежен. Причём не только между классами, но и между такими категориями, как «свобода» и «порядок». «Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, – пишет В. Ленин, – когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: “свобода” и “государство”. Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства» [5, с. 95].

Исследователей разных направлений, чей приведённый выше перечень не является исчерпывающим, правильнее назвать предшественниками возникшей главным образом во второй половине XX в. собственно конфликтологической школы. Её формирование и развитие связано с именами Т. Парсонса, Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга, Л. Крисберга, А. Турена и ряда других европейских и американских социологов, философов, политологов и экономистов. Они трактовали конфликтную ситуацию в политике альтернативно марксистскому направлению.

Так, Л. Козер называл рыночные общества «открытыми» (плюралистическими, «мягкими»), а нерыночные, авторитарные и тоталитарные, «закрытыми» (ригидными, «жёсткими»). Наиболее опасные конфликты, по его мнению, происходят в закрытых обществах, поскольку блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы, ведут к насилию и революции. В плюралистическом обществе также происходят многочисленные конфликты между различными слоями и группами, но при этом оно доступно новым влияниям. Поэтому конфликт, выявляя напряжения, выполняет при этом конструктивные функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений, выступает способом адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам [7].

Общая суть учений названных конфликтологов, при всём разнообразии исследовательской базы, сводится к тому, что конфликт есть постоянно присутствующая и важнейшая сторона взаимодействия людей и их структур в обществе. В основе конфликта лежат противоречия между ними, основанные на ценностях, потребностях и интересах. Главную роль играют объективные социально-экономические факторы, но имеют значение и факторы субъективные в виде, например, комплекса психологических оснований существования человечества как такового. Сформировались многочисленные классификации конфликтов, типологии их причин; технологии экономических, политических, культурологических и иных методов управления; формализованные процедуры разрешения в виде переговорного процесса, фасилитации и медиации. Отмечалось, что любые конкретные формы проявления конфликта не фатальны, несут в себе одновременно негативный и позитивный потенциал и поддаются регулированию.

Говорить о существовании отечественной конфликтологической отрасли в нашей стране периода существования СССР можно лишь условно: речь скорее идёт о наличии научной парадигмы, выраженной в констатации уже

достигнутого формата социально-политических отношений, где присутствуют лишь частные («неантагонистические») противоречия, которые в дальнейшем всё более нивелируются. В 1990-х гг. появляются отечественные конфликтологические разработки иного плана, получившие начало в трудах Института социологии РАН (с 2017 года Институт социологии ФНИСЦ РАН) и Института государства и права РАН, а также исследованиях учёных Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов. Следует упомянуть, например, отдельные и совместные фундаментальные и прикладные исследования автора настоящей статьи и члена-корреспондента РАН А. Дмитриева, публикации А. Здравомыслова, монографию под редакцией академика РАН В. Кудрявцева¹. Декларируя отказ от советской «бесконфликтной» парадигмы, они в целом придерживались позиций западной конфликтологии и добавляли к ней отечественную специфику, связанную в первую очередь с процессами переходного периода в развитии общества.

Такая западная, позднее отечественная, а теперь уже и мировая парадигма конфликтологии остаётся преобладающей в научном поле и в третьем десятилетии XXI в. При этом, как отмечает Л. Цой, современное научное осмысление конфликта осуществляется в разных дисциплинарных областях, и конфликт как идеальный объект становится метапредметом, уже не имеющим прямого отношения к отдельным научным дисциплинам [8]. Данная констатация представляется нам справедливой, но и «растворяющей» конфликтологическую проблематику в многопрофильном комплексе научных отраслей и подходов. Это затрудняет поиск глобальных оснований для выбора методов воздействия на конфликтные ситуации в социуме в целом и, в фокусе нашего анализа, — на конфликты в политической сфере.

¹ Чумиков А. Н. Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления : дис. ...канд. филос. наук : 23.00.03 / Чумиков Александр Николаевич ; науч. рук. А. С. Закалин ; РАГС. Москва, 1991. 177 с.; Чумиков А. Н. Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода : дис. ...д-ра полит. наук : 23.00.02 / Чумиков Александр Николаевич ; Акад. труда и социальных отношений. Москва, 1995. 322 с.; Чумиков А. Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социс. 1995. № 3. С. 52–57; Чумиков А. Н. Регулирование социально-политических конфликтов в постсоветской России // Власть. 1996. № 10. С. 17–22; Чумиков А. Н. Социология конфликта в интерпретации А. Г. Здравомыслова // Социс. 1996. № 11. С. 138–145; Дмитриев А. В., Степанов Е.И., Чумиков А. Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социс. 1996. № 1. С. 6–23; Дмитриев А. В. Конфликт на российском распутье // Социс. 1993. № 9. С. 3–17 и др.; Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М. : Аспект-пресс, 1994. 317 с.; Юридическая конфликтология / О. В. Бойков, Н. Н. Варламова, А. В. Дмитриев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев ; РАН, Центр конфлик. исслед. М. : Ин-т гос-ва и права, 1995. 316 с. и др.

Информационный фактор в конфликте: формирование новых теоретических подходов к оценке и российский опыт использования прикладных технологий

Параллельно, на протяжении всего XX века, формируется новый ракурс базисных исследований и прикладных подходов к проблематике социального конфликта. Мы рассмотрим эти новации в двух измерениях: 1) теоретическое понимание соотношений причин возникновения конфликта; 2) обоснование и применение прикладных методов его регулирования. В обоих случаях можно обнаружить частичную преемственность положений, отражённых в упомянутых исследованиях. Но в качестве приоритетных и системных теоретиков – предшественников нового конфликтологического знания мы выделяем таких учёных XX века разных стран и периодов, но во многом сходных направлений, как У. Липпман, М. Маклюэн и М. Кастельс.

Затрагивая соотношения так называемой «подлинной реальности» и субъективных представлений о ней, У. Липпман в работе 1922 года «Общественное мнение» констатировал, что информацию о каких-либо изменениях мы принимаем за подлинную картину мира. Однако окружающая среда в целом – слишком сложное образование, чтобы можно было познавать её напрямую. Отсюда между человеком и средой располагается некая *псевдосреда*, а поведение индивида является реакцией именно на неё.

Псевдосреда формирует *стереотип* – шаблон восприятия, фильтрующий и интерпретирующий информацию при распознавании реальных событий. Стереотипы основаны на предшествующем социальном опыте и способствуют получению упорядоченной и относительно непротиворечивой картины окружающего контекста. Это картина возможного мира, где люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом. Стереотипы распространяются и поддерживаются с помощью тонких механизмов воздействия. Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей прежде, чем непосредственно сталкиваемся с ними. Вымышленные символы накладываются на реальность [9]. Резонно предположить, что под механизмами воздействия автор, будучи не только учёным, но также писателем и журналистом, подразумевал главным образом активно развивающееся в XX веке пространство средств массовой информации (СМИ).

Данную линию продолжил М. Маклюэн. В работах 60–70-х гг. XX века он добавил к воздействию печатного медиасегмента У. Липпмана влияние электронных СМИ, представил критический анализ текущих и будущих моделей коммуникации, зафиксировал появление электронного общества и даже предсказал появление Всемирной паутины. Исследователь утверждал, что новые информационные технологии отличаются от известных прежде «простых» средств коммуникации между индивидуумами: с их помощью люди «изобретаются заново», у них появляются иные способы восприятия информации и формируется собственное понимание реальности. В наступающей информационной

эпохе М. Маклюэн видел «глобальную деревню» («глобальный театр») с «разрывами последовательности» и «максимально возможным несогласием по всем вопросам» [10; 11].

В конце XX в., на пороге эры Интернета, монографию по теории нового информационного (или информационального: у М. Кастельса фигурирует термин «concept of Informationalism» – А. Ч.) общества публикует М. Кастельс. Автор отмечает, что производство, обработка и передача информации стали в нём фундаментальными источниками экономики и самой власти. Наблюдается интенсивное развитие сетевой структуры общества (The Rise of network society), образующей культуру виртуальности с преобладанием символической коммуникации и подчиняющей её предыдущие социальные формы. Политическим процессом теперь управляют массмедиа, при этом исчезает различие между пользователями информации и её создателями [12].

Выделив актуальные теоретические констатации западных учёных относительно существенной роли информационных факторов в жизни общества вместе с прогнозами нарастания этой роли, мы переходим к следующей позиции: каким образом медиaprостранство используется для регулирования конфликтов, в какой степени оно способствует их разрешению (предотвращению, разжиганию, нейтрализации) и каковы пропорции влияния на конфликт медиаресурсов как субъективного обстоятельства по сравнению с объективными политическими и экономическими условиями. Обратимся к наработкам В. Ленина, теперь в меньшей степени теоретика марксизма, а в большей – политтехнолога и медиаменеджера. Обоснование В. Лениным роли СМИ в политической борьбе (конflikте) интересно для нас тем, что описанный им и подтверждённый в последующих практических действиях алгоритм управления медиа актуален и продолжает работать в современных условиях.

Начальная стадия информационно-политического противодействия обозначается в работе «Что делать?» (1901–1902) как «листки» с «экономическими обличениями». «Листки» разжигали оппозиционные настроения на фабриках, параллельно формируя сообщества: пассивное – читающих/слушающих/пересказывающих актуальную информацию и активное – рабочих корреспондентов со страстью «печататься». Одних экономических обличений, по мнению В. Ленина, недостаточно: нужно организовать «всестороннее политическое обличение самодержавия». Для этого самодетельный тип изданий следует трансформировать в профессиональную прессу («местные газеты»). Но и «отдельной местной организации... не под силу обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить её на высоту политического органа» [13, с. 465–505].

Отсюда логически вытекает широко известный вывод, сделанный В. Лениным примерно в тот же период в статье «С чего начать?» (1901): нужны периодическая пресса и общерусская политическая газета «для объединения нашего воздействия на народ и на правительство посредством печатного слова» [14, с. 9]. Формулируется знаменитый лозунг, где «газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный

организатор». Последняя функция предполагает «создание сети местных агентов единой партии», способных стать её остовом [14, с. 11].

Победа в политическом конфликте (революции), по В. Ленину, должна происходить в условиях свободной прессы. В Программе РСДРП, принятой в 1903 году и действующей вплоть до 1917 года, содержалось требование «неограниченной свободы печати». Однако уже в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература» политик начинает дискуссию по поводу взаимосвязи свободы и партийности (впоследствии приравненной к государственности – А. Ч.) прессы. Предлагается «выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь... Газеты... издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – всё должно стать партийно-подотчётным». От этого зависит жизнеспособность союза-партии, а далее и государства [15, с. 99–105].

С помощью медийных ресурсов общероссийского масштаба и их организаторов большевики сумели победить в таком политическом конфликте, как Октябрьская революция. И сразу же начали работу по ограничению влияния «свободных» СМИ, проповедующих иные взгляды на государственное устройство. Более того: В. Ленин теперь приветствовал методы, называемые раньше «политическим шантажом» со стороны буржуазной прессы, и упрекал журналистов в том, что они «не умеют вести классовой борьбы в газетах так, как её вела буржуазия [16, с. 89–91].

В период с 20-х и до второй половины 80-х гг. XX века СМИ в Советском Союзе были практически полностью монополизированы государством и КПСС как его главной и единственной партией. Их роль как субъективного фактора воздействия на массовое сознание стала почти абсолютной. Выступая в 1934 году на XVII съезде ВКП (б), И. Сталин заявлял, что «после того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, – роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной». Если же какие-то люди разрушают основы партийной и государственной дисциплины, «их надо без колебаний снимать с руководящих постов... и опубликовывать об этом в печати» [17, с. 366, 370].

Приводя в пример информационно-политическую ситуацию в государстве ленинско-сталинского, а впоследствии и хрущёвско-брежневского периодов, мы уходим от оценок её как позитивной или негативной. В нашу задачу входит показ возможностей сохранения задуманной и реализованной модели государства с помощью субъективных медийных усилий и вне зависимости от существующих внутри страны и во внешнем окружении объективных политико-экономических условий. С помощью «ленинской медийной схемы» значимые внутригосударственные конфликты были ликвидированы, а во внешних глобальных конфликтах, включая Великую Отечественную войну, обеспечен выигрыш. С одной стороны, эти выводы относятся лишь к периодам, когда был

возможен «железный занавес» с максимальным ограничением доступа граждан к оппозиционным и враждебным медиаресурсам. С другой – установка на ведущую роль государства в управлении политическим информационным потоком никогда не теряла своей актуальности, а её игнорирование приводило лишь к обострению конфликтов, включая слом самой государственной системы.

Перенесёмся в эпоху перестройки М. Горбачёва, на примере которой мы можем проследить так называемую «обратную» роль СМИ: вместо того, чтобы укреплять государство и преобразовывать его на новой основе, они сыграли ключевую роль в развале страны. Обратимся к исследованиям советолога Ш. Фицпатрик о том периоде. Автор констатирует, что в процессе перестройки приоритет был отдан гласности. Гласность отвечала представлениям интеллигенции о том, что первоочередной и главный смысл реформ заключается в снятии ограничений на свободу высказываний. Советскую прессу заполнила подробная критика исторических «ошибок»: коллективизации, Большого террора, неудачных решений Второй мировой войны, этнических депортаций военного времени и послевоенного антисемитизма. Газеты и толстые журналы соревновались друг с другом в разоблачениях. М. Горбачёв считал, что решение «сказать правду» не принесёт ничего кроме пользы и, очистив советскую систему, только укрепит её. «Увы, всё случилось наоборот. Девятый вал нападок на изъяны советского социализма не вдохновил общество на поддержку реформ, а только подорвал его доверие к системе» [18, с. 243–246].

Несмотря на публичное политическое оппонирование М. Горбачёву, первый президент России Б. Ельцин проводил по отношению к медиа аналогичную линию, употребляя вместо слова «гласность» понятие «демократия». СМИ в период его нахождения у власти действительно достигли уровня максимальной свободы. Но одновременно также осуществили «обратное» воздействие с эффектом не укрепления, а дискредитации государственной системы и её руководителей. В исследованиях Ш. Фицпатрик говорится, что эти политики пользовались массовой поддержкой во второй половине 1980-х (М. Горбачёв) и конце 80-х – начале 90-х гг. (Б. Ельцин) XX в., но спустя два десятилетия оценивались резко негативно: опрос 2017 года показал, что 30% респондентов относились к обоим «с неприязнью, раздражением», а ещё 15% испытывали «отвращение, ненависть». При этом 49% высказали уважение В. Путину, 32% – И. Сталину и 26% – В. Ленину [18, с. 298–299].

Подтверждение нашего тезиса о создании с помощью медиа неадекватной политическим целям картины реальности, повлиявшей в дальнейшем на негативное отношение к ситуации в стране и её лидерам того периода, мы получаем и в фундаментальных многолетних исследованиях Института социологии РАН. Они свидетельствуют, что больше всего надежд россияне связывали с демократией в начале 1990-х гг., усматривая в ней единственно возможный путь перехода к лучшей жизни. Но действительность разошлась с этими во многом идеалистическими представлениями, вызвав у населения разочарование «демократией по-русски». Переменившееся с восторженно-позитивного на негативное

отношение к Б. Ельцину перенеслось на демократические процедуры и институты. Число убеждённых в их важности для организации в обществе нормальной жизни сократилось за 10 лет с 51% в 2001 году до 44% в 2011 году [19, с. 13].

При ответе на вопрос о том, какой из исторических периодов оказал наиболее положительное воздействие на социально-экономическое развитие страны, самые низкие оценки получили позиции «перестройка» при М. Горбачёве (29% положительных ответов и 69% отрицательных) и «переход к рыночной экономике» при Б. Ельцине (40 и 57%), а самые высокие – «индустриализация страны конца 1920-х–30-х гг. XX в.» (85 и 13%) и «реформы начала XX в.» с введением элементов конституционного строя, созданием слоёв крепких частных хозяев на селе и переходом к золотому рублю (79 и 16%) [19, с. 81]. Заметим, что такое преимущественно положительное отношение всех или подавляющего большинства респондентов сформировалось опосредованно, то есть не на личном опыте, а под влиянием различных источников информации, в первую очередь СМИ.

Отсюда вытекает важный вывод: с одной стороны, граждане оценивают события *реальной* действительности, с другой – эти оценки формируются с помощью медиавоздействия. СМИ «вознесли» «перестройку» М. Горбачёва и «демократию» Б. Ельцина, но таким же образом они «низвергли» прежде позитивные образы. Информационный механизм, выбранный для реформирования системы (управления политическим конфликтом в сторону его позитивного разрешения), выполнил противоположную функцию: привёл в одном случае к разрушению системы (глобальному конфликту), а в другом – к существенному обострению противоречий внутри неё.

Управление медиареальностью как основной вектор регулирования внутригосударственного политического конфликта

Если мы выше указывали на информационные факторы и их медиаслагаемые как важные причины и одновременно инструменты регулирования социально-политического конфликта, то применительно к XXI веку следует говорить об их доминировании. Чтобы люди осуществляли какое-либо материализованное действие, они должны быть убеждены в его необходимости. Но само такое убеждение, включая то или иное поведение в конфликте, формируется теперь преимущественно не объективными условиями жизни, но медиавоздействием. С наступлением эры Интернета, появлением конвергентных СМИ и социальных сетей возникли и описаны понятия «медиакоммуникации», «инфодемия» и «медиаатизация». Вместе с ними предположения и прогнозы, сделанные теоретиками предыдущего периода о влиянии на сознание контента медийных ресурсов, не просто подтвердились, а многократно усилили свою значимость.

Представления граждан о текущих процессах существенно виртуализируются. В ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объёмов информации «объективная» реальность заменяется бесконечным рядом

интерпретаций, определяющих мысли и поведение потребителей. Как отмечают исследователи, если прежняя «правда» рассматривалась как объективный фиксатор нашей действительности в конкретный период, то нынешняя «пост-правда» становится инструментом маркирования любых событий, организаций и персон в соответствии с интересами инициаторов такой маркировки [20].

Что касается политического конфликта, то интерпретированные смысловые ориентировки направляются на формирование объяснительных моделей социально-политической реальности для поддержания стабильности или, напротив, разрушения существующих правящих режимов и их целей. По мнению С. Володенкова, задачи формирования для общественного сознания простых, привлекательных, «достоверных» и удобных в потреблении объяснительных медиа-моделей и соответствующих им «безопасных» поведенческих реакций становятся ключевыми в процессе современного политического управления [21, с. 277–278].

Как отмечали участники Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов, медиа занимают ведущую роль в массовой культуре, используют актуальную для заказчика семантику и риторику, применяют технологии конструирования специфических мифов, внедряют в сознание индивида и социальных групп иную реальность и таким образом конструируют актуальную картину мира индивида и общества в целом. Посредством участия СМИ происходит обострение конфликта, сглаживание конфликта, создание условий его перехода к следующей фазе. Медийное поле служит площадкой позиционирования, сравнения и противопоставления, победы и поражения одних ценностей над другими [22, с. 192–194].

Постепенно меняется понимание самой сути социального конфликта как в политических, так и во всех других проявлениях. Ф. Шарков и В. Сперанский фиксируют, что субъективные основания конфликтов так же важны, как и объективные причины напряжённости. Выделяется три вида конфликтов:

1. Ложный конфликт, когда субъект *воспринимает* (курсив мой – А. Ч.) ситуацию как конфликтную, хотя реальных (объективных – А. Ч.) причин нет.

2. Потенциальный конфликт, когда существуют реальные основания для возникновения конфликта, но одна или обе стороны пока *не осознали* (курсив мой – А. Ч.) ситуацию как конфликтную.

3. Истинный конфликт – реальные столкновения между сторонами [23, с. 20].

Добавим к этому, что даже «истинный конфликт» является производным от «ложного» или «потенциального» и осознаётся в результате конкуренции информационных ресурсов сторон.

Возможно ли управлять медиапространством и медиапроцессом, определяющими наличие конфликта в целом и уровень его «истинности» и остроты в сознании целевых групп? При ответе на этот вопрос вновь обратимся к ленинской модели. Несмотря на то, что организация общества на рыночных началах стала преобладающей, периодически возникает установка на смену правящей элиты, коррекцию государственного устройства и (или) правительственного курса. В СССР последних лет существования государственный строй вновь

расшатывался с помощью нелегальных или полулегальных аналогов ленинских «листочков», получивших обобщённое название «самиздата». С появлением Интернета роль «листочков» – особенно в странах, где произошли «цветные» революции (Украина, Грузия, Тунис, Египет, Йемен и др.) – взяли на себя личные и коллективные ресурсы нового коммуникационного пространства: аккаунты в социальных сетях и сайты. Наряду с другими «народными» СМИ, они сыграли существенную, а иногда и ведущую роль в достижении революционных целей. Популярны личные «листки» – интернет-ресурсы социально-политического профиля с аудиторией более миллиона человек, способные стимулировать развитие политического конфликта до его острых форм, – имели к 2020-м гг. десятки и сотни авторов в России.

На следующем за «листочками» этапе медийного развития у В. Ленина появляются газеты. Разумеется, что в современный период следует говорить не собственно о газете, но о средстве массовой информации с комплексом конвергентных признаков. С одной стороны, оппозиционные медиа проявляли активное «ленинское» стремление превратиться в общероссийские каналы информации, стали конкурентоспособными и вошли в первые строчки медийных рейтингов. С другой стороны, властные структуры в периоды нежелательного развития ситуации предпринимают юридические и иные активные контрдействия по ограничению влияния оппозиционных ресурсов. То есть достигнуть «высоты политического органа» этим СМИ не удаётся – они блокируются государством или «понижаются» до уровня «местных газет».

В принципе же, как отмечает Э. Шульц, все крупные политические конфликты (революции) на уровне государства – «рукотворные», то есть сымитированные. В каждой революции наличествует группа с информационными ресурсами, прилагающая усилия к разжиганию социального протеста и организации госпереворота. «Нет такой модели революции, где “низы” (рабочие, крестьяне и т. д.) сами по себе взбунтовались и голыми руками опрокинули вооружённые формирования, стоящие на страже режима» [24, с. 171–177]. Всегда идёт речь о технологиях организации социального протеста в борьбе за власть и управления страной после взятия власти.

Как мы уже показали выше, роль и «вес» медиакоммуникационного фактора в политических конфликтах всё более увеличивается. Основным вектором государственной информационной деятельности в такой ситуации должны быть и становятся не столько запреты оппозиционных медиа, сколько развитие прогосударственных каналов. Роль «общерусской политической газеты» в 2020-е гг. по-прежнему выполняло телевидение: по данным Минцифры, почти 98% взрослого населения России смотрели телевизор хотя бы раз в месяц, и более 65% делали это каждый день. Причём здесь имеется в виду только собственно ТВ-просмотр без учёта потребления произведённых на телеканалах и широко распространяемых в сетевом пространстве конвергентных продуктов [25].

Стремительно развивается и новая медиареальность, когда политический конфликт между властью и оппозицией перемещается в интернет-пространство.

Формой выражения целей сторон и способов их достижения становятся полноценные порталы СМИ, авторские блоги, личные и групповые аккаунты в социальных сетях. Интерактивные цифровые медиа ниспровергают одностороннюю трансляционную модель телевидения и даже заменяют в ряде случаев прежние «материализованные» организационные структуры и лидеров. В то же время политические месседжи социальных медиа более подвержены интерпретации и дроблению при их распространении. Мы называем это явление децентрализацией и десинхронизацией контента – компоновкой оригинальных данных с целью сделать их более популярными и значимыми. В результате первоначально вброшенный и имеющий статус главенствующего тезис видоизменяется и рассеивается. Получается, что поле соцсетей должно рассматриваться не как доминирующий фактор выигрыша в информационном противоборстве «власть – оппозиция», а как зона, также и воспроизводящая острый политический конфликт между разными группами общих, на первый взгляд, интересов и постоянную конкуренцию этих групп за влияние в киберпространстве. Отсюда у государства возникает новая стратегия – обеспечить приоритетное медийное воздействие за счёт синхронизации информационного сигнала с единым смыслом в «своих» традиционных и новых медиа.

Поставим и следующий вопрос. Кто и что является гарантом позитивного регулирования политического конфликта? На протяжении последних десятилетий и столетий в мире господствовало положение, что это «демократические механизмы» и «свободные медиа». Что конфликт должен разрешаться в пользу «прогрессивных сил». Что в их задачу входит «гармонизация интересов». Однако все приведённые термины представляют собой лишь теоретические абстракции. В действительности (если о ней ещё можно говорить без кавычек) происходит «круговорот демократии» с её «прогрессивными силами» и «свободными медиа». Как замечает Е. Фидря, в ходе политической коммуникации (в нашем случае – конфликта) автор политического сообщения и его реципиенты так или иначе обращаются к доминирующему дискурсу, либо утверждая его, либо пытаясь «подорвать». Социальные агенты, обладающие большим правом на использование символического капитала (власть – А. Ч.), стремятся осуществить легитимацию актуального для них представления социального мира. Агенты, занимающие подчинённое положение в поле символического производства, при помощи оппозиционной стратегии «независимости», «правды» и «объективности» подрывают официальное видение, пытаются утвердить альтернативную картину и тем самым увеличить объём собственного символического капитала [26, с. 40–56].

Другими словами, если медиа являются оппозиционными, то неизбежно стимулируют конфликт и критикуют власть как неадекватного субъекта политической действительности. Если же они служат власти, то должны показывать её успехи, а недостатки подавать лишь как частные случаи и «пережитки прошлого». Таким образом, «правильное» («демократическое», «свободное» или противоположное) поведение и положение самих медиа в конечном счёте

зависит от ролевой функции, выполняемой ими в конкретных исторических периодах и политических ситуациях.

Информационная конкуренция в условиях международного политического конфликта

Модель управления конфликтом в направлении выигрыша в политическом противостоянии с обязательным компонентом информационной конкуренции актуальна и для международных отношений. Неизбежность периодических и острых политических конфликтов, включая военные столкновения, в очередной раз показала практика последних десятилетий. В этой связи вновь обратимся к конфликтологическому наследию Л. Козера с предположением о возможности политического порядка, основанного на общепризнанных (абстрактных) гуманистических принципах. Нарушение порядка, по Л. Козеру, является следствием недостатка знаний и пониманий, устаревших социальных институтов либо порочности определённых индивидов и групп. Устранение названных проблем ведёт к возвращению порядка [7].

Однако более жизнеспособным оказался подход, предложенный Х. Моргентау. Концепция самоорганизующихся механизмов регулирования социально-политического конфликта, по его мнению, – это «идеализм» с лежащей в его основе формулой «легализма-морализма» (англ.: *legalism-moralism*), где требования законности и положения морали якобы существенно влияют на политику. Но, согласно Х. Моргентау, несовершенный с рациональной точки зрения мир есть результат неизбежного столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил. Моральные принципы играют роль в международной политике, но не являются её главным фокусом. В лучшем случае к таким принципам можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений. Но стратегическая задача заключается в создании системы сдержек и противовесов, которая принимает во внимание исторические прецеденты, а не абстрактные установки и направлена на реализацию меньшего зла, а не абсолютного добра [27, с. 3, 14].

«Систему сдержек и противовесов» применительно к военно-политическим конфликтам попытался ещё в 1960-е годы количественно просчитать К. Райт, применивший для этого развёрнутый и обоснованный социологический инструментарий. Учёный предложил формулы для оценки вероятности быстрой эскалации или завершения конфликта с такими показателями, как вооружённые силы, стоимость военных действий, потенциальные ресурсы участников, степень их уязвимости в результате прогнозируемых потерь, давление мирового общественного мнения в пользу мирного решения конфликта и национальные интересы. Именно последний показатель исследователь поставил на первое место.

Убеждение в том, что национальные интересы ущемлены или поставлены под угрозу, становятся в большинстве случаев главной причиной обострения международных конфликтов. Значение, придаваемое государством

национальным интересам, варьируется в зависимости от оценки ситуации общественным мнением. При этом такие субъективные и виртуальные интересы, как уважение, репутация, гордость и престиж могут цениться выше, чем интересы объективные – благосостояние, территория или даже сама власть [28, с. 434–449].

Национальный интерес может трактоваться как патриотическое сознание и становится двигателем международного политического конфликта. Будучи чётко закреплённым в восприятии целевых групп той или иной нации, он служит залогом их победы не только на поле боя, но и в информационной (гибридной) войне. С помощью широкого арсенала медиакоммуникационных приёмов, представленных нами в научных публикациях [29, с. 19], в сознание внедряются объясняющие и мотивирующие патриотические установки. Их суть в военный период описала Э. Морелли в исследовании «Элементарные принципы военной пропаганды» («Десять заповедей»). Тезисы «заповедей» кратко сводятся к следующему: 1. Мы не хотим войны. 2. Противоборствующая сторона несёт полную ответственность за войну. 3. Лидер противоположного лагеря имеет лицо дьявола. 4. Мы защищаем благородное дело, а не особые интересы. 5. Враг сознательно зверствует, а мы если ошибаемся, то невольно. 6. Противник использует несанкционированное оружие. 7. Мы несём очень мало потерь, а потери противника огромны. 8. Творческая элита поддерживает наше дело. 9. Наши цели святы. 10. Те, кто сомневается в нашей пропаганде, – предатели [30].

Анализ медиаполя противоборствующих стран в период военного конфликта 2020-х гг. показывает, что их ведущие медиа трактуют эти принципы в пользу своих государств, а позиции СМИ контролируются органами власти. То есть взаимоотношения в дилемме «свободные СМИ – регулируемые медиа», подобно ситуации с внутривнутриполитическим конфликтом «власть – оппозиция», наблюдаются и в условиях «война – мир»: политико-правовой прессинг на медиа усиливается в военных условиях и ослабляется в мирных ситуациях. Поэтому, как отмечают авторы новейших исследований, создание всё более развитых демократических механизмов внутри медиакоммуникационной системы выступает идеальной задачей, но не самоцелью ведущего политического субъекта, каким является государство. Данные механизмы должны работать в интересах государства, поддаваться управлению и продвигать установки, соответствующие задачам периода [31].

Обращает на себя внимание тот факт, что сами медиасообщества, в отличие от органов власти, в ряде случаев продолжают испытывать иллюзии по поводу своей «независимой информационной миссии», способной гармонизировать общественные отношения. О. В. Смирнова и С. Б. Стебловская изучили российские журналистские кодексы и сопоставили их с аналогами Китайской Народной Республики. В базовых позициях документов выявлены существенные различия. Так, основные установки «Медиаэтического стандарта» (Россия, 2021) направлены на профессиональную честность журналиста, обеспечение прав граждан на информацию и свободу слова, уважение частной

жизни и человеческого достоинства, защиту многообразия культур. В «Кодексе профессиональной этики журналистов» (КНР, 2019) закреплены во многом иные ключевые смыслы профессии: беззаветное служение народу, патриотизм, поддержание духа национального единства и сотрудничества, уважение национальных традиций. То есть в кодексах КНР приоритетное внимание уделяется деятельности журналиста по продвижению интересов государства, а в фокусе российского кодекса находятся в первую очередь «права и свободы человека» [32, с. 453–472].

В целом мы констатируем, что «цветные революции», военные столкновения, активизация глобального противоборства на мировой арене вместе с интенсивным развитием интернет-пространства привели к усилению роли информационного фактора в международных социально-политических отношениях и мотивировали принятие дополнительных мер по ограничению собственных возможностей медиа во многих странах. Стремление государств к монополизации медиавлияния с противодействием распространению неактуальных ценностей и политических образов стало мировым трендом.

Заключение

Изменившиеся социально-политические и коммуникационные условия жизни общества требуют новых разработок в области теории социально-политического конфликта, направленных на регулирование его стадий и степеней развития. Положения о демократическом социуме как минимально конфликтно-генном и способном перевести радикальные конфликты в более мягкие формы сталкиваются с проявлениями острых политических противостояний в самых развитых демократических государствах. Практика показывает, что благополучное состояние или, напротив, бедственное положение экономики точно так же не является, в одном случае, неизменным объективным условием возникновения, а в другом – сглаживания конфликтов, разрушающих сложившуюся политическую систему государства.

В то же время в теоретических исследованиях конфликтологической проблематики преобладают функционально-описательный подход к конфликтам и позитивистская парадигма. Новые тренды недостаточно осознаны, и приоритетное внимание по-прежнему уделяется положениям о тренде развития общества в направлении гармоничного, предсказуемого и объективно регулируемого устройства.

При этом в конфликтных процессах отмечается постоянно возрастающая роль медиакоммуникаций как системы создания, трансляции и обмена информацией по каналам традиционных и новых (конвергентных, сетевых) средств массовой информации, предполагающих целенаправленное воздействие субъектов информационного поля друг на друга.

В качестве главной задачи регулирования этого поля многие исследователи провозглашают борьбу за абстрактно формулируемые принципы «свободы»

и «объективности» медиа против таких же идеологических клише «пропаганды», «манипуляции» и «фейков». Действительная же задача заключается в обеспечении доминирующего медиакоммуникационного влияния с помощью актуальных интерпретаций, соответствующих законам и этическим стандартам. При оценке роли информационных ресурсов в политических конфликтах возникает необходимость смещения исследовательских акцентов с рассмотрения гармонизирующих функций медиа и анализа развития в них демократических механизмов на изучение эффективных способов информационного воздействия в интересах стабилизации государства и общества. Степень устойчивости государства в политическом конфликте зависит от его способности противостоять оппозиционным (враждебным) силам и их медиакоммуникационным ресурсам с помощью продвижения ценностей и моделей поведения, обеспечивающих поддержку власти и нейтрализацию иных проявлений.

Медиакоммуникации формируют стереотипизированные (виртуальные) социальные представления, влияющие как на обострение конфликта, так и на сдерживающие факторы. Важность внедрения в сознание оптимальных картин происходящего существенно актуализируется в условиях «цветных революций» внутри государств и нарастания геополитической напряжённости с военными столкновениями между ними.

В регулировании информационного пространства на протяжении длительных исторических периодов срабатывают сходные политико-коммуникационные алгоритмы. В период угрозы острых политических конфликтов государственные организации усиливают регулирование СМИ. Политические силы, ведущие борьбу за власть, выступают за их полную либерализацию. После прихода к власти прежняя оппозиция выстраивает новую систему поддержки «своих» и ограничения возможностей «чужих» медиакоммуникаций. Подобные намерения расширить или ограничить права и свободы медиа наблюдаются в условиях относительного мира или угрозы либо наличия войны.

Стремление государств к усилению политико-идеологической монополизации медиа становится на современном этапе мировым трендом. Телевидение и традиционные СМИ сохраняют доминирующее влияние на аудиторию, формируя конвергентные механизмы продвижения своего контента. Внедрение провластных медийных ресурсов в систему социальных медиа увеличивает эффективность собственного информационного сигнала, а ограничение деятельности оппозиционных ресурсов в социальных сетях ослабляет их влияние.

Понятие «управление медиакоммуникациями» представляется наиболее адекватным при анализе механизмов регулирования современного политического конфликта в целях достижения желаемого результата. Выбору любой из принятых во внимание исследователями линий поведения в конфликте (конкуренция, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество) предшествует, а затем сопровождает её информационное противоборство. Оно прямо влияет на оптимальность и эффективность использования имеющихся у сторон материальных ресурсов.

В глобальном плане речь идёт о смене научной парадигмы от позитивистской (объективистской), предполагающей последовательное развитие демократических основ в деятельности медиа, к субъективистской (регулятивной) с ограничениями в работе медиа и использованием их в качестве приоритетного механизма влияния в политическом конфликте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Аристотель*. Политика / Аристотель ; пер. с древнегр. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова. М. : АСТ: Астрель, 2012. 393 с. ISBN 978-5-17-065681-3. EDN QXDASJ.
2. *Бэкон Ф.* Сочинения в 2 т. / Ф. Бэкон ; пер., сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина ; 2-е изд. доп. и испр. М. : Мысль, 1977. 567 с.
3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит ; пер. с англ. М. : Эксмо, 2009. 956 с. ISBN 978-5-699-18389-0. EDN QTСМАР.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с франц., вступ. статьи А. Филиппова и др. М. : Кучково поле, 1998. 414 с. ISBN 5-87533-113-5.
5. *Ленин В. И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33. С. 1–120.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 21. 746 с.
7. *Coser L.* The Function of Social Conflict. Glencoe, III : Free Press, 1956. 188 p.
8. *Цой Л. Н.* Русская конфликтология: конфликт как метапредмет. Тезисы // Московская школа конфликтологии : сайт. 2017. URL: <http://conflictmanagement.ru/russkaya-konfliktologiya-konflikt-kak-metapredmet-2/> (дата обращения: 15.09.2024).
9. *Lippmann W.* Public opinion. NY : Macmillan, 1922. 449 p.
10. *McLuhan M.* Understanding Media. The extensions of man. NY : New American Library, 1964. 396 p.
11. *McLuhan M., Fiore Q.* War and Peace in the Global Village. NY : Bantam, 1968. 196 p.
12. *Castells M.* End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK : Blackwell, 1998. 456 p.
13. *Ленин В. И.* Что делать? // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 6. С. 465–505.
14. *Ленин В. И.* С чего начать? // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 5. С. 5–13.
15. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1968. Т. 12. С. 99–105.
16. *Ленин В. И.* О характере наших газет // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 37. С. 89–91.
17. *Сталин И. В.* Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Сочинения / И. В. Сталин. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1951. Т. 13. С. 282–379.
18. *Фицпатрик Ш.* Кратчайшая история Советского Союза : монография / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. М. : Альпина-нон-фикшн, 2023. 336 с. ISBN 978-5-00139-820-2.
19. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011. 672 с. ISBN 978-5-94881-173-4. EDN SUOSUJ.
20. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды : монография / Д. С. Мартыянов, И. А. Быков, Г. В. Лукьянова [и др.] ; под ред. Д. С. Мартыянова. СПб. : ООО ЭлекСис, 2019. 312 с. ISBN 978-5-6040317-9-7. EDN WNKAPG.
21. *Володенков С. В.* Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями. М. : РГ-Прогресс, 2019. 584 с. ISBN 978-5-9988-0706-0. DOI 10.31085/9785998807060-2019-584. EDN GVBVFM.

22. Лабуш Н. С. Конфликтогенность массмедийного пространства современной России // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов (СПб, 15–16 ноября 2019 г.). СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2019. С. 192–194. EDN AWLFMI.
23. Шарков Ф. И., Сперанский В. И. Общая конфликтология. М. : Дашков и К, 2016. 240 с. ISBN 978-5-394-02402-3.
24. Шульц Э. Э. К вопросу о методах и подходах в изучении русской революции // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 171–177. DOI [10.17223/15617793/459/21](https://doi.org/10.17223/15617793/459/21). EDN MYMURL.
25. Телевидение в России в 2022–2023 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М. : Минцифры, 2023. 130 с. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/televidenie-v-rossii-v-2022-2023-godu.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
26. Фидря Е. С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределённости // Полис. 2019. № 4. С. 40–56. DOI [10.17976/jpps/2019.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04). EDN GLVVGM.
27. *Morganthau H.* Politics Among Nations. 6th ed. NY : Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
28. *Wright Q.* The escalation of international conflicts // Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. 9 (4). P. 434–449. URL: <http://www.jstor.org/stable/172681> (дата обращения: 15.01.2025).
29. Чумиков А. Н. Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 2 (35). С. 19–19. DOI [10.24412/2311-1763-2023-2-19-19](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-2-19-19). EDN TKLGGX.
30. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou tiède. Bruxelles : Aden, 2010. 222 p. URL: <https://www.lecanardrépublicain.net/> (дата обращения: 06.10.2024).
31. Шульц Э. Э. Массовый политический протест в контексте медиакommunikаций : дис. ...д-ра полит. наук : 5.9.9 / Шульц Эдуард Эдуардович ; МГЛУ. Москва, 2024.
32. Смирнова О. В., Стебловская С. Б., Ван Ф. Ценностные ориентации журналистов России и Китая: сравнительный анализ профессионально-этических кодексов // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 453–472. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).453-472](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).453-472). EDN BSWJSC.

Сведения об авторе

А. Н. Чумиков

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
профессор
SPIN-код: [6211-6904](https://orcid.org/0009-0001-9211-6904)

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 04.11.2024; принята к публикации 23.12.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.5)

THEORY OF CONFLICT IN THE SOCIAL AND POLITICAL SPHERE: RETROSPECTIVE DYNAMICS AND THE MODERN VECTOR OF MEDIA COMMUNICATION IMPACT

Alexander Nikolaevich Chumikov

Institute of Sociology of FCTAS RAS;

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia,

chumikov@pr-club.com,

ORCID [0000-0002-7208-9783](https://orcid.org/0000-0002-7208-9783)

For citation: Chumikov A. N. Theory of conflict in the social and political sphere: retrospective dynamics and the modern vector of media communication impact. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025; 13(1):95–116. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.5).

Abstract. Attempts to understand the essence and genesis of conflict in human society can be traced back to ancient thinkers and have continued for many centuries. Researchers of all times have been searching for a political system that would harmoniously regulate conflicts between people, transition to a state without “antagonistic” contradictions, and even gradual withering away of the state as such. In the second half of the 20th century, a scientific school emerged that recognized that conflict is an ever-present and essential type of communication in society; it is based on clashes of values, needs, and interests with the leading role of objective socio-economic circumstances. In the search for the causes of socio-political conflict, their hierarchy, and methods of regulation, factors associated with the development of the information society and its media components, which shape citizens’ virtual ideas about what is happening and their subsequent behavioral reactions, have become increasingly important. These processes are the focus of the author’s research. The essential characteristics of the media space of the 20th–21st centuries are given, and the role of media resources in resolving (preventing, inciting, neutralizing) conflicts. The subjective influence of the media is compared with the objective conditions for the development of political processes. The article puts forward and confirms the hypothesis that if earlier information factors, including media components, were perceived by scientists as important causes and instruments for regulating socio-political conflict, then in relation to the 21st century we should talk about their dominance. In a situation of colossal and progressive growth of sources and volumes of information, “objective” reality is replaced by an endless series of semantic interpretations that determine the thoughts and behavior of citizens. In these conditions, the concept of “communications management” becomes a global strategy in the conflict, and within the framework of state policy – ensuring the prevailing volume of information impact and synchronizing messages with a single meaning in traditional and new media. Similar models of media-political management in the conflict between the authorities and the opposition at various stages of historical development are presented. It is stated that “color revolutions”, military clashes, and the intensification of global confrontation on the world stage have shown a further strengthening of the role of the information factor in socio-political relations and motivated strict regulation of media communications in many countries. The desire of states to monopolize media influence with counteraction to the spread of irrelevant values and political images has become a global trend.

Keywords: conflict, socio-political conflict, conflictology, conflict regulation, state, opposition, information factor, media communications, media influence, communications management

REFERENCES

1. Aristotle. Policy. [Politika]. Transl. from ancient gr. S. A. Zhebeleva, M. L. Gasparova. Moscow: AST: Astrel; 2012. 393 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-065681-3.
2. Bacon F. The essays [Sochineniya] in 2 vol. Transl. from Eng. Comp., total. ed. and entry article by A. L. Subbotin. 2nd ed. Moscow: My'sl'; 1977. 567 p. (In Russ.).
3. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations [Issledovanie o prirode i prichinax bogatstva narodov]. Transl. from Eng. Moscow: E'ksmo'; 2009. 956 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-18389-0.
4. Rousseau J.-J. On the social contract: treatises [Ob obshhestvennom dogovore: traktaty']. Transl. from French. Entry articles by A. Filippov and others. Moscow: Kuchkovo pole; 1998. 414 p. (In Russ.). ISBN 5-87533-113-5.
5. Lenin V. I. State and revolution [Gosudarstvo i revolyuciya]. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1969. Vol. 33. P. 1–120. (In Russ.).
6. Marx K., Engels F. In: Works [Sochineniya], 2nd ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1961. Vol. 21. 746 p. (In Russ.).
7. Coser L. The Function of social conflict. Glencoe, III : Free Press, 1956. 188 p.
8. Tsoi L. N. Russian conflictology: conflict as a meta-subject. Moscow School of Conflictology: webcite. (In Russ.). Available at: <http://conflictmanagement.ru/russkaya-konfliktologiya-konflikt-kak-metapredmet-2/> (accessed: 15.09.2024).
9. Lippmann W. Public opinion. New York: Macmillan; 1922. 449 p.
10. McLuhan M. Understanding Media. The extensions of man. New York: New American Library; 1964. 396 p.
11. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. New York: Bantam, 1968. 196 p.
12. Castells M. End o millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK : Blackwell; 1998. 456 p.
13. Lenin V. I. What is to be done? [Chto delat']. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1963. Vol. 6. P. 465–505. (In Russ.).
14. Lenin V. I. Where to begin? [S chego nachat']. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1967. Vol. 5. P. 5–13. (In Russ.).
15. Lenin V. I. Party organization and party literature [Partijnaya organizaciya i partijnaya literatura]. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1968. Vol. 12. P. 99–105. (In Russ.)
16. Lenin V. I. On the character of our newspapers [O xaraktere nashix gazet]. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1969. Vol. 37. P. 89–91. (In Russ.)
17. Stalin I. V. Report to the 17th Party congress on the work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) [Otchetny'j doklad XVII s'ezdu partii o rabote CZK VKP(b)]. I. V. Stalin. In: The essays. Moscow: Politicheskaya literature; 1951. Vol. 13. P. 282–379. (In Russ.)
18. Fitzpatrick S. The shortest history of the Soviet Union. Moscow: Alpina; 2023. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00139-820-2.
19. Gorshkov M. K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics) Moscow: Novy'j Xronograf; 2011. 672 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-173-4.
20. Martyanov D. S. [et al] eds. Governability and discourse of virtual communities in the context of post-truth politics. St. Petersburg: OOO E'lekSis; 2019. 312 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6040317-9-7.

21. Volodenkov S. V. Political management and management of modern political campaigns. Moscow: Progress; 2019. 584 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9988-0706-0. DOI [10.31085/9785998807060-2019-584](https://doi.org/10.31085/9785998807060-2019-584).
22. Labush N. S. The conflict potential of mass-media space of modern Russia. In: Conflictology of the XXI Century. Ways and Means of Peace Building: Materials of III St. Petersburg International Congress of Conflictologists. St. Petersburg, 15–16 November 2019. St. Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii; 2019. P. 192–194. (In Russ.)
23. Sharkov F. I., Speransky V. I. General conflictology. Moscow: Dashkov i K; 2016. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-394-02402-3.
24. Shults E. On methods and approaches in Russian revolution studies. *Tomsk State University Journal=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;(459):171–177. (In Russ.). DOI [10.17223/15617793/459/21](https://doi.org/10.17223/15617793/459/21).
25. Television in Russia in 2022–2023. Status, trends and development prospects. Industry report. Moscow: Mincifry'; 2023. 130 p. (In Russ.). Available at: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/televidenie-v-rossii-v-2022-2023-godu.pdf> (accessed: 15.09.2024).
26. Fidrya E. S. Factors and justification of reconstructing meaning of political texts under conditions of cognitive and interpretative uncertainty. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019;(4):40–56. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2019.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04).
27. Morgenthau H. Politics Among Nations. 6th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
28. Wright Q. The escalation of international conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. 1965;9(4):434–449. Available at: <http://www.jstor.org/stable/172681> (accessed: 15.01.2025).
29. Chumikov A. N. The current tools of information warfare in the cold, hot and hybrid war. *Science. Society. Defense=Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2023;11(2):19–19. (In Russ.).
30. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou tiède. Bruxelles: Aden, 2010. 222 p. Available at: <https://www.lecarnardrepubliquain.net/> (accessed: 06.10.2024). (In French).
31. Shultz E. E. Mass political protest in the context of media communications. Diss. ... Doctor of politics. Moscow: MGLU; 2024. (In Russ.).
32. Smirnova O. V., Steblovskaia S. B., Wang F. Russian and Chinese journalists' values: comparing professional codes of ethics. *Theoretical and Practical Issues of Journalism=Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2022;11(3):453–472. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).453-472](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).453-472).

Information about the Author

A. N. Chumikov

Doctor of Politics,
Main Researcher, Professor

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 04.11.2024; accepted for publication 23.12.2024.